

В резиденции президента Латвии с утра по-домашнему пахло кофе и чем-то съестным. И только охранники не вписывались в уютную атмосферу особняка, где состоялась наша встреча с Раймондом Паулсом. Немногие, пожалуй, знают, что композитор уже больше года является советником президента по культуре, а до этого три года возглавлял министерство культуры Латвии...

— Раймонд Волдемарович, кем вы себя сейчас ощущаете в большей степени — композитором или чиновником?

— Музыкантом. Композитором и пианистом я себя всегда считал. Но в Латвии была такая ситуация, когда надо было взяться за дело, которое вы называете чиновничьи. Я думал, что благодаря своему авторитету смогу что-то сделать для культуры. Это оказалось очень сложным. Ведь и в России эксперимент, когда министрами культуры становились люди искусства, как видим, не удался.

— Да, но тогда почему вы согласились стать советником президента?

— Здесь у меня совершенно иные обязанности. Когда же я был министром культуры, приходилось отвечать за реконструкцию Оперы, за постройку театра в Валмиере — быть ремонтником. Хотя, по логике вещей, эти функции должно было бы выполнять министерство строительства. Мы же становились рабами тяжелейших хозяйственных проблем.

Однако так сложилось, что всю жизнь я занимался и организаторскими делами. Одно дело — то, что я играю и пишу, а другое — что я сам организовывал концерты, создавал музыкальные коллективы. Вот я и стал советником по культуре, тем более что с президентом у меня сложились очень хорошие отношения. На меня ложится организация праздничных концертов, музыкальное оформление приемов иностранных руководителей, когда надо подобрать артистов для выступлений, продумать репертуар. Из этого тоже рождается престиж страны.

Довольно часто выступаю как пианист. Недавно играл с симфоническим оркестром. Кое-что пишу для Лаймы Вайкуле — она выпускает диск в Америке.

— Теперь, по прошествии двух лет, когда страсти улеглись, как вы оцениваете происшедшее с рижским ТЮЗом? Не кажется ли вам, что культура Латвии многое потеряла с закрытием русского театра юного зрителя?

— Да. Но мне не нравилось, что все это подавали, как то, что «Паулс закрыл театр». И при том еще шумиха, которая пошла вокруг на-

Раймонд Паулс:

Я не считаю гонорары Пугачевой

Жизнь, правда, — 1994. — 8 дек. — 46.

ционального вопроса. ТЮЗ, несмотря на поиски нового (никто никогда не отрицал, что Шапиро — хороший, талантливый режиссер), бурлил. В день ко мне приходили по одной-две делегации. Одни просили убрать Шапиро, другие считали, что театр себя исчерпал.

Мы предложили полностью реорганизовать театр, потому что латышская труппа была на издыхании (они и сейчас плачут). Конечно, для меня все это было непросто. Когда я сегодня вспоминаю ту ситуацию, то никак не могу согласиться с теми, кто обвиняет меня в уничтожении театра. Виновны те, кто руководил театром.

— В одном из недавних интервью Алла Пугачева, вспоминая период, когда работала вместе с вами и Ильей Резником, назвала то время самым счастливым, несмотря на нехватку денег.

— Правильно. В то время Пугачева получала сорок или сорок четыре рубля за концерт. Она тогда на нас смотрела криво, говорила, что мы получаем миллионы в то время, как ей достаются копейки. Но я ее сегодняшние гонорары не считаю, хотя ситуация поменялась на прямо противоположную.

— Неужели вы тогда были миллионером?

— Для тех времен 7—9 тысяч рублей «авторских» в месяц были очень большими деньгами. Посчитайте, сколько в России ресторанов, в которых исполнялись мои песни. Вот по копейке и соби-

рались значительные суммы. Но Пугачева правильно заметила, что мы в то время не так о деньгах думали, мы все-таки были больше энтузиастами и думали, как приготовить хороший номер на Новый год, новую концертную программу.

Сцена для меня всегда была святым местом. А теперь чуть ли не в открытую называют сумму взятки, которую надо заплатить, чтобы тебя показали. На сцену вышло очень много подворотни. И сама манера, само отношение к публике. Или это публика заставляет их такими быть?

— А у вас нет желания поработать снова с Резником и Пугачевой?

— Есть. Я бы с удовольствием участвовал в такой ностальгической программе. Мы могли бы на сцене продемонстрировать свое мастерство, которое не ушло с годами. Когда я выхожу на сцену и сажусь за рояль, я сразу забываю, что мне через год уже 60 лет. Свое шестидесятилетие отмечу без помпезности. Собиру, наверное, старую компанию, кто еще жив, и выступим вместе. Из моих почти 60 лет сорок пять я на сцене. Но свою дочь я сознательно к музыке не подпускал.

— В 1985 году вы получили звание народного артиста СССР. Что оно для вас сейчас?

— Это — история. Я все сохранил. Я имею все высшие звания, которые мог иметь тогда артист. Сегодня забыть об этом было бы глупо. К своей истории надо относиться с уважением — она одна. Меж-

ду прочим, мой диплом народного артиста тоже имеет историческое значение. Знаете, кто его подписал? Генеральный секретарь ЦК КПСС Черненко. Я же встречался и играл для Андропова, для Брежнева во время больших праздничных концертов.

— А для Ельцина?

— Когда мы были в Москве на подписании российско-латвийского договора, Грачев мне сказал: «Ну ты поменьше бы занимался политикой. Лучше приезжай с концертами».

— Раймонд Волдемарович, мало кто знает, что вы пишете не только так называемую музыку, но у вас есть множество серьезных произведений.

— Конечно, их, может, не так много. Но известность припла благодаря популярным песенкам. И меня знают больше с этой стороны.

Уметь сыграть джаз — это большое искусство, сыграть Моцарта — тоже большое искусство. Самое главное — как играть. К кому, например, относится Иоганн Штраус? К легким или серьезным композиторам? Так что все это очень условно. А мы совсем запутались, когда придумали понятие эстрадной музыки. Это — советский термин.

— Вас всегда поддерживала семья?

— Жена у меня терпеливый человек, который может пережить капризы моего сложного характера.

— Вы одиолюб?

— Я не знаю вообще, что я за тип. Очень не люблю, когда занимаюсь каким-то делом, а мне кто-то мешает. Особенно когда сижу за роялем. Хотя есть один человек, который может позволить себе такое. Это — внучка.

— Вы сейчас остались вдвоем с женой Ланой? (Светлана Епифановна, в которую Раймонд Паулс влюбился на гастролях в Одессе, когда еще не был Маэстро. — К. М.)

— Да, мы дома. У нас сейчас «большая трагедия» — ремонт квартиры. И еще строим дом у Белого озера. Мастера обманывают, приходится внимательно за всем следить.

— Что бы вы пожелали самому себе, своим близким, людям вообще?

— Главное, чтобы мы были здоровы. И это не просто слова. Вчера, например, почувствовал какие-то боли в спине — то ли возраст, то ли что-то профессиональное. Поэтому я хочу, чтобы я и моя семья были здоровы. Тогда мы кое-что еще сможем сделать. И, во-вторых, я хочу, чтобы не только в Латвии, но и везде люди жили лучше, побогаче. Если человек постоянно думает о том, как бы прокормиться, он не пойдет в театр...

Карен МАРКАРЯН.
(Наш соб. корр.).

Рига.

8.12.94.

Паулс Раймонд